

Мстислав РОСТРОПОВИЧ:

ЛЮБЛЮ РОССИЮ

Труд. - 1997. - 27 марта. - с. 1

Фото Александра РАТНИКОВА.

СЕГОДНЯ ПРОСЛАВЛЕННОМУ МАСТЕРУ — 70 ЛЕТ

Этот человек стал легендой. Мало найдется классических музыкантов, снискавших в такой степени мировую славу (это прекрасное слово вполне созвучно с его именем). Притом ведь Ростропович — не певец, не солист-пианист (хоть на рояле играет великолепно), не скрипач — называю представителей музыкального цеха, которые чаще других становятся объектами обожания широкой публики. Виолончелистов в этом ряду до сих пор, пожалуй, и не было. Он первый.

О Ростроповиче, как и с ним самим, можно говорить о разном: тут не только виолончель, не только дирижирование, но и политика, и нравственность, и благотворительность... Личность Мстислава Леопольдовича универсальна.

Наш разговор состоялся после встречи в маленьком райцентре Вача, где Галина Павловна Вишневецкая и Мстислав Леопольдович Ростропович участвовали в церемонии открытия районной больницы, построенной в основном на их средства. Маэстро был явно доволен увиденным...

(Окончание на 6-й стр.)

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

И вот мы сидим в просторном номере гостиницы «Волжский откос» на берегу великой русской реки. Неподалеку, внизу, тихо и спокойно течет подо льдом Волга. Галина Павловна разливает чай и кофе — кому что нравится.

— Мстислав Леопольдович, как вы оказались в Ваче — в этом забытом Богом райцентре российской провинции?

— Можно сказать, случайно. Как-то я прямо из самолета позвонил Борису Немцову, которого знал как энергичного и предприимчивого руководителя, и поделился с ним идеей построить в каком-нибудь глухом месте, где это особенно необходимо, детскую больницу. Губернатор тотчас назвал адрес. Больница была построена в считанные месяцы с европейским качеством, к тому же оснащена самым современным оборудованием. Думаю, таких больниц в России — единицы...

— Один из символов перемен в России — восстановление храма Христа Спасителя, в котором вы играли. Но такие порушенные святыни есть в каждом городе. Например, церковь Успения в Большом Болдине, знаменитой пушкинской усадьбе, до которой, однако, ни у кого не доходят руки. Может, есть смысл объявить всероссийскую программу возрождения наших храмов?

— Мы с Галей получаем сотни писем с просьбами о помощи. Но чтобы оказать ее всем, у нас просто нет средств, и мы решили, что не следует расплываться. Наша помощь детской медицине в России доходит до восьми миллионов долларов в год. У нас много друзей и просто хороших знакомых по всему миру, которые с удовольствием делятся своим богатством: кто деньгами, кто медицинской аппаратурой... У меня замечательные отношения с целым рядом фармакологических фирм, которые посылают в Россию через наш фонд медикаменты, детское питание, аппаратуру. Но, еще раз подчеркну, многие россияне могут сделать сами. Поэтому в уставе фонда Вишневецкой—Ростроповича сказано, что все деньги, собранные нами, все пожертвования мы должны направлять на педиатрию, на исправление детского здоровья в России. Мы относимся к этому как фанаты.

О восстановлении храмов. Галия недавно получила письмо с просьбой помочь отстроить одну из церквей в окрестностях Петербурга. И она ответила так: в тот момент, когда в детском госпитале города нет бинтов, прекращены операции, вместо 850 с трудом принимают 300 детей, а больных намного больше, сам Господь был бы скорее за то, чтобы дать возможность жить детям, нежели восстанавливать храм.

Что касается храма Христа Спасителя, для меня это символ России, символ русской веры, потому что он был построен на пожертвования всего народа. А взрывали его коммунисты. Хотя я тогда был мальчишкой, гнет за содеянное другими во мне существует, как будто бы я в этом виноват. И увидеть, как растет храм, для меня было личным очищением, потому что за подобные преступления, я считаю, ответствен весь народ.

В разговор вмешивается Галина Павловна:

— Народ должен поднимать церкви, возрождать храмы. А то, вы знаете, все сидят и ждут, хотя у людей есть голова, руки, ноги. Пусть идут и восстанавливают то, на разрушение чего равнодушно смотрели все годы советской власти, этой окающей власти, которая морально развратила наш великий русский народ.

— В Петербурге у нас есть помещение, которое мы приобрели, — поддерживает беседу маэстро. — Как-то я навесил нашу соседку — уроженку Мурманской области, и она мне показала фото — удивительный храм, чуть ли не второй из построенных в последние годы в России. В том селе жило всего 150 человек, но они

не ждали дядю, который придет и поможет, и, не имея денег, сами построили церковь. Люди на Руси всегда сами собирались и строили: где скит, а где и настоящий большой храм.

Теперь же — уж и не помню сколько раз подходили ко мне на улице с вопросом: «Дайте мне квартиру!» Я терпеливо растолковываю, что я не мэр города и не распоряжаюсь квартирами.

Объясняется это, очевидно, тем, что после периода аморфности народной воли при коммунистах, когда мы просто подчинялись, ни о чем особо не задумываясь, сейчас по привычке хотим, чтобы кто-то за нас что-то делал. В то время — я очень люблю эту присказку — все делали вид, что работали, а правительство делало вид, что оно нам платит.

— Не досадно ли, что сейчас наши мастера искусства предпочитают гастролировать где-то там, вдали от Родины, а ведь есть еще и долг перед своим Отечеством...

Вишневецкая (решительно): — Если нет зарплаты, а надо кормить семью, нравственный долг артиста — заработать на это там, где он может, а не сидеть в России и месяцами ждать обещанного.

Ростропович: — Галя, это одна сторона. Я понимаю вопрос иначе. Если ты помнишь, когда-то и я совершил три поездки в глубинку. Первую — в Кулундинские степи, когда началось освоение целинных земель. Тогда я создал три концертные бригады, но во всех «повторялись» два человека — я и баянист Юрий Казак. Прекрасное было время. Вторая поездка — от Красноярска по Енисею до острова Диксон за Полярным кругом. Мы останавливались не только в таких городах, как Дудинка и Игарка, но и в самых глухих деревнях, поселках. Один из концертов — в поселке Караул — особенно запомнился. Там еще сторожевая башня сохранилась, с которой смотрят, не входит ли кто чужой в наши воды енисейские.

Когда мы туда приехали, там строили клуб — пока один сруб стоял. Так вот, к вечеру — я этого никогда не забуду — его достроили, даже крышу подвели. И у меня хранится необычайно дорогая мне фотография, когда на концерт в этот клуб идут люди и каждый несет с собой стул, потому что там не на чем было сидеть... Потом была поездка в Магаданскую область. Последний концерт я давал в Улене, неподалеку от Аляски.

Я считал и считаю, что просветительская деятельность в России очень нужна. Во многих местах во время наших поездок люди впервые в жизни видели живого артиста.

Вишневецкая: — Согласно, Россия сегодня в таком состоянии, что это непременно надо делать. Включишь радио, телевизор — пошлость и мерзость просто подавляют. Человек высокого искусства в ужасе: он никому не нужен, его со скрипкой и на порог телевидения не пустят. Там стоит стена мужиков с золотыми цепями и волосатой грудью. Они покупают эфирное время, содержат мальчишек и девчонок и пихают их под телекамеры. Это вкусы людей, наворовавших и награбивших в России за последние годы большие деньги, вкусы на уровне «Мурки». И они насаждают их всей нации, всему нашему великому народу. Это оскорбительно, и люди воз-

мущаются. Но — опять-таки ничего не делают. И по-прежнему получают 24 часа разврата в сутки. Пусть вам покажется это парадоксальным, но я за цензуру в таких случаях. Прежде всего за нравственную.

— Не столь давно исполнилось 90 лет со дня рождения Шостаковича. Человек, немало претерпевший от прежней власти, но вместе с тем до конца оставшийся патриотом России, — что, вы думаете, он сказал бы о России сегодняшней, где уже нет никаких идеологических барьеров для искусства, но нет и той поддержки, которую государство этому искусству оказывало?

— И Шостакович, и Прокофьев

Мне хочется сказать еще одну важную для меня вещь. Я сам всегда был противником коммунистического режима. Я знал, как страдали от этого режима Прокофьев и Шостакович, которые навсегда останутся самыми высокими столпами музыкальной культуры XX века. Но действительно не могу при этом не отметить, что при той системе выдающимся талантам оказывалась государственная поддержка. Власть пыталась купить эти таланты для пропаганды советского строя. Была даже отработана такая схема. Вначале куда-то посылали ансамбль Игоря Моисеева, и он буквально взрывал страну своим успехом. Как вулкан. Америка,

связанного с постановкой «Хованщины», вроде бы наступило охлаждение. И каковы впечатления от нынешнего главного дирижера Петера Феранца?

— Считаю, что репертуарное положение Большого театра безобразно. Когда-то мы думали, что в Большой будут приглашаться самые великие режиссеры и дирижеры, которые могли бы показать, как нужно делать оперы Моцарта и Вагнера, не говоря уже об отечественной классике. А что получается? Мне не позволили поставить «Леда Макбет Мценского уезда» в год 90-летия Шостаковича, хотя я считал это своим долгом. Нет в репертуаре такого шедевра Прокофьева, как опера «Война и мир». И в то же время ставят «Богему», «Травиату» — только потому, что этого захотелось Васильеву. Нельзя ориентировать такой театр на одну творческую личность, если даже эта личность гениальная.

Вишневецкая:

— В свое время, после смерти Мелик-Пашаева, главными дирижерами Большого становились Светланов, Рождественский... Потом начались всякие пертурбации. Вдруг в 70-м, по-моему, году главным дирижером назначают Симонова. Это было преступлением правительства перед искусством вообще. Вот с того момента, я считаю, и началось падение Большого театра, оркестр которого Симонов возглавлял четырнадцать лет. А сейчас там — тот Феранец, хотя никто в мире не знает, кто он такой. И что он знает о русской опере, о наших традициях? Он, по-моему, ненавидит русский репертуар. Я уже не говорю о состоянии труппы, которая еле дышит при нулевой зарплате, когда артисты просто разбегаются. Это для театра катастрофа, а ведь он — наше общенациональное достояние. Теперь здесь даже нет исполнителей на главные партии — их приглашают из Петербурга. Чтобы работать в Большом театре, надо отдавать ему себя всего, без остатка, а таких людей там сейчас нет. Васильев, к сожалению, строит репертуар по себе.

— Мстислав Леопольдович, семьдесят лет — это пора подведения итогов или время новых планов?

— До 2000 года моя жизнь распланирована по дням и часам. Семидесятилетие я буду отмечать в Париже, как и обещал Жаку Шираку, когда он был еще мэром. В юбилейном вечере примут участие Национальный оркестр Франции, Оркестр де Пари, Лондонский оркестр. Вначале планировалось два концерта — 29 и 30 марта — в Москве и один — в Санкт-Петербурге. Нашлись спонсоры, готовые заплатить гонорар оркестрантам, маршал Шапошников, тогдашний руководитель «Аэрофлота», обещал скидку на билеты. Но когда я узнал, что, несмотря на все льготы, это обойдется в миллион 280 тысяч долларов, оставшиеся еще на голове немногочисленные волосы поднялись дыбом. Я бы не смог со спокойной совестью ходить по улицам, взяв такие деньги у Министерства культуры — все равно что из зарплаты учителей музыки.

Что касается ближайших планов, в «Ла Скала» буду участвовать в постановке «Мазепы» Чайковского, в Самаре — «Ивана Грозного» петербургского композитора Сергея Слонимского. Большие циклы концертов состоятся в Лондоне и Токио. В октябре пройдет конкурс виолончелистов в Париже, который носит мое имя, затем — фестиваль в Германии, потом — Международный конгресс виолончелистов... Так что время подводить итоги еще не пришло.

В беседе принимал участие Владимир ДОЛГОДВОРОВ, соб. кор. «Труда». НИЖНИЙ НОВГОРОД.

Мстислав РОСТРОПОВИЧ:

Труд. - 1997. - 27 марта. - с. 8

ЛЮБЛЮ РОССИЮ

были бы очень рады, что эра коммунизма закончилась. И что сегодня президент Ельцин или премьер Черномырдин не взяли бы на себя ответственность подписывать постановление о музыке Шостаковича, о том, что она «вредна народу». Это уже большое завоевание. И другое. Когда речь идет о массовом культурном воспитании, — тут, о чем уже говорила Галя, должна включаться моральная цензура, основанная на высочайшем вкусе, подобном тому, которым обладают академики Лихачев, директор музея Пушкина госпожа Антонова, писатели старшего поколения. Банальная истина, что вкусы надо воспитывать, сейчас звучит как никогда актуально. Тут государство в долгу перед народом.

Я был на первом заседании совета по культуре при президенте (кажется, так это называется). Там собралось много замечательных людей, единомышленников, цвет культуры нашей нации. Мы были единодушны в том, что есть виды искусства, которые просто одурманивают. Например, рок... — Кстати, рок-музыка пришла с Запада. Вы часто бываете во многих странах, каков там уровень духовной культуры молодежи?

— Там культурная часть общества заботится о духовности всего населения. В Америке, например, нет государственных оркестров, все они существуют за счет частных пожертвований. Там есть состоятельные люди — адвокаты, медики, писатели, у которых дело процветает. Так вот, они считают за большую честь для себя вложить часть средств в культуру и искусство. Каждый серьезный оркестр имеет совет попечителей. Тот, кто в этот совет входит, пользуется особым авторитетом и уважением. Поэтому в каждом, даже небольшом городе Америки имеется хороший профессиональный оркестр. Я думаю, что там их не меньше двух тысяч, а содержат музыканты сами жители городов.

Я руководил оркестром в Вашингтоне семнадцать сезонов. У нас регулярно проводились конкурсы на замещение вакантных должностей. На одну должность обычно претендовало до двухсот кандидатов! Я поинтересовался, куда уходят остальные 199. Выяснилось, что на конкурсы в оркестры рангом пониже. Те, кто и туда не попал, как правило, создают свои небольшие камерные коллективы, и культурная волна не затухает, музыканты всегда находят применение своему дарованию.

Справедливости ради должен заметить, что когда в 1974 году я был изгнан из России, в Москве и Ленинграде оркестров было в два раза меньше, чем сейчас. Тем не менее, в России сотни и тысячи городов, где музыкальная жизнь, в лучшем случае, едва теплится...

Европа, Япония рукоплескали. Второй удар наносил балет Большого театра. После этого следовал ряд других, не менее значимых взрывов: Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс... И американцы, европейцы, японцы вынуждены были признать, что это лучше, чем есть сегодня на планете. И делали вывод: значит, там и все остальное лучше!

Я помню тост президента Франции господина Помпиду, когда он приехал в советское посольство в Париже, чтобы поблагодарить меня за концерт, гонорар от которого я полностью передал на покупку искусственных почек для больных людей. Он тогда сказал: «Я думаю, самое капиталистическое государство в мире — это Советский Союз. Потому что то, чем вы обладаете — таланты композитора, писателя, исполнителя, — это самый большой капитал, который можно себе представить». И этот капитал советская власть держала в почете, нам давали звания, ордена, премии... Но как только один из этой плеяды поднимался выше подстриженного газона, ему давали по голове, как это было с Зощенко, Шостаковичем... Надо было их вовремя одернуть, чтобы слишком много о себе не мнили. Но и поддерживали, равняли других под таких мастеров, как, например, Чингиз Айтматов. Естественно, такие люди имели привилегии — и дачи, и машины. Теперь их имеет тот, у кого больше денег. И подражать начинают не мастерам культуры, а бизнесменам от поп-музыки, на них равняются. Им завидуют.

Хотя нас с Галей тоже коснулась подобная неприязнь. В Санкт-Петербурге один пьяный ночью разбил два окна в доме, где мы жили. Милиция его задержала, меня в два часа ночи пригласили для составления протокола. Я спросил этого человека, зачем он это сделал. Он ответил просто: «Из зависти». Я попросил уголовное дело не возбуждать, потому что человек чистосердечно признался.

— У вас все больше дел в России. Не собираетесь ли вы перебраться сюда окончательно, как это сделал ваш друг Солженицын?

Ростропович: — Таких планов нет, но помочь России мы оказывать будем... Я по-прежнему люблю Россию, хотя мой дом теперь в Америке.

— Мстислав Леопольдович, как складываются ваши отношения с Большим театром при нынешнем худруке Владимире Васильеве? После периода «великой любви»,

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР. Президент России Борис Ельцин награждает орденом «За заслуги перед Отечеством» второй степени выдающегося музыканта Мстислава Ростроповича. 27 марта ему исполняется 70 лет. В указе говорится, что Мстислав Ростропович награжден «за заслуги перед государством и большой личный вклад в развитие мирового музыкального искусства».